

УДК [616-036.22]:392(520)
ББК 63.521(=754.2)-71
DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-6-596-611

Е.С. ШТЕЙНЕР

БОГИ И ДЕМОНЫ БОЛЕЗНЕЙ: ТРАДИЦИОННЫЕ ЯПОНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭПИДЕМИЯХ И БОРЬБЕ С НИМИ*

Евгений Семенович Штейнер,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет мировой экономики и мировой политики,
Школа востоковедения,
профессор
Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5,
Москва, 105066, Россия

Лондонский университет,
Школа востоковедения и африканистики,
Центр по изучению Японии,
профессор-исследователь
Brunei Gallery, B404, Russell Square,
London WC1H 0XG, United Kingdom

доктор искусствоведения
ORCID 0000-0002-9129-3958; SPIN 2585-3918
E-mail: evenbach@gmail.com

Реферат. В статье рассказывается, какие механизмы защиты от моровых поветрий применялись в Японии на протяжении веков и какие религиозные, социальные и индивидуальные практики считались действенными в борьбе с эпидемиями. Обращение к общекультурным и религиозным истокам отношения японцев к эпидемиям имеет особую значимость

в наши дни. В связи с пандемией коронавируса в обществе оживляется память о старых испытаниях и методах борьбы с ними, а также актуализируются традиционные, вплоть до архаических, ритуалы и суеверия. Наряду с очевидными гигиеническими мерами, восходящими к синтоистским ритуалам очищения, исторически спектр действий (как властей, так и на индивидуальном или семейном уровнях) по поводу массовых заболеваний колебался в Японии от обрядов задабривания духов болезней до церемоний по их изгнанию.

Основным материалом, помимо исторических письменных источников, служат визуальные артефакты, преимущественно низовой народной культуры: гравюры на мифологические сюжеты, листовки с агитацией за вакцинацию, амулеты и обереги, включая апотропеические детские игрушки. Выбраны материалы, связанные с эпидемиями оспы и холеры в период раннего Нового времени (эпоха Эдо, преимущественно XVIII–XIX вв.), и немедицинская, т. е. относящаяся к области традиционных обрядов и суеверий, массовая реакция на панде-

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Социальное дистанцирование и самоизоляция на Востоке», выполненного в рамках программы исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020–2021 гг.

мию COVID-19. Применительно к коронавирусу эта тема академически еще не разработана, а связанных с эпохой Эдо аналитических исследований визуальных источников (картинок) в качестве магических реакций на эпидемии на русском языке практически нет, а на других языках, включая японский, их тоже немного.

В заключение делается вывод о том, что наряду с некоторой реальной пользой (например, пропагандой вакцинации, хотя бы и в мифологической оболочке, практиками «самоочищения» дзисюку периода коронавируса) демонологический подход выполнял и отчасти выполняет роль юмористически-развлекательного инструмента, облегчавшего (и облегчающего) переживание опасности и неуверенности.

Ключевые слова: Япония, японское искусство, картинки против нечистой силы, обереги, эпидемии, демоны эпидемий, оспа, холера, коронавирус, COVID-19, пандемия, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, художественная культура, религиозная культура.

Для цитирования: Штейнер Е.С. Боги и демоны болезней: традиционные японские представления об эпидемиях и борьбе с ними // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 6. С. 596–611. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-596-611.

Обращение к общекультурным и религиозным истокам отношения японцев к эпидемиям имеет особую значимость в наши дни. В связи с пандемией коронавируса в обществе оживляется память об испытаниях прошлых лет и методах борьбы с ними, а также актуализируются традиционные, вплоть до архаических, ритуалы и суеверия. Наряду с очевидными гигиеническими мерами, восходящими к синтоистским ритуалам очищения, исторически спектр действий (как властей, так и на индивидуальном или семейном уровнях) по поводу массовых заболеваний колебался в Японии от обрядов задабривания духов болезней до церемоний по их изгнанию.

Основным материалом, помимо исторических письменных источников, служат визуальные артефакты, чаще всего низовой народной культуры: гравюры на мифологические сюжеты, листовки, агитирующие за вакцинацию, амулеты и обереги, включая апотропеические детские игрушки. Для исследования выбраны материалы, связанные с эпидемиями оспы и холеры, в период раннего Нового времени (эпоха Эдо, преимущественно XVIII–XIX вв.), и немедицинская, т. е. относящаяся к области традиционных обрядов и суеверий, массовая реакция на пандемию COVID-19. Применительно к коронавирусу эта тема академически еще не разработана, а

аналитических исследований визуальных источников (картинок) — магических реакций на эпидемии, связанных с эпохой Эдо, на русском языке практически нет, а на других языках, включая японский, их тоже немного.

Японцы, будучи островным народом, долгое время жили в блаженном неведении о моровых поветриях или массовых contagiозных болезнях, затрагивавших всю популяцию. В середине VI в. к ним явились миссионеры буддизма со священными книгами и статуями, а также другие пришельцы — корейцы, носители китайской культуры, которые вместе с континентальными духовными и материальными благами принесли и болезни.

Прежде всего это оспа. В Корее она была известна уже около двух столетий, с первой половины IV в., а в Китай попала в начале новой эры по Великому шелковому пути с Ближнего и Среднего Востока. В последующие века оспа регулярно свирепствовала на Японских островах. Согласно древней хронике «Сёку Нихонги», оспу завезли из корейского царства Силла в 7 г. Тэмпо (735 г.), эпидемия достигла пика в 737 г., когда вымерло около 30% населения страны (а в густонаселенных центральных районах — около 70%). Борьба велась разными способами: от молитв и постройки храмов до введения санитарных мер (например, по части личной гигиены) и ограничений (в области контактов с другими людьми). Следует отметить, что Большой Будда (Дайбуцу) в храме Тодайдзи в Наре был возведен по повелению императора Сёму как раз в качестве защиты страны после вспышки эпидемии оспы в 737 г. (закончилась в 752 г.).

Значительно позже, в XIX в., в Японию пришла холера. Эндемичная для дельты Ганга, она поздно (сравнительно для мировой истории) распространилась в мире. В Японии впервые была зафиксирована в 1822 г., когда проникла из Китая на острова Рюкю, а оттуда на остров Кюсю. В тот раз холера остановилась в западной Японии, не дойдя до Эдо (старое название Токио). Проникновение в столицу случилось летом 1858 г. [1], считается, что инфекция сошла на берег в Нагасаки с американского корабля «Миссисипи», члены экипажа которого оказались заражены во время стоянки в Шанхае (Китай)¹. Оттуда холера быстро разошлась с торговыми каботажными судами и по тракту Токайдо по всей Японии. Погибло, по разным оценкам, от 100 до 300 тыс. человек. Знаменитый художник Хиросигэ был одним

¹ Холера не миновала и русских моряков, оказавшихся в том же году в Нагасаки. Трое матросов (Андрей Бородин, Исидор Пачин и Федор Иванов) и квартирмейстер Густав Зиц с фрегата «Аскольд» умерли от холеры в октябре 1858 г. и были похоронены на старом голландском кладбище при храме Госиндзи. Поскольку больше места там не осталось, а моряки с «Аскольда» продолжали умирать, к северу от Голландского открыли новое, Русское, кладбище [2, р. 147–149].

из них. Еще более суровая, но хуже документированная вспышка произошла в 1862 году. Проблемы оспы и холеры были актуальны в Японии еще в начале XX столетия.

НИЗОВАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДУХАМИ БОЛЕЗНЕЙ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (ЭПОХА ЭДО)

Люди верили, в соответствии с пан-анимизмом Синто, что болезни насылают зловредные боги — *якубё-гами* (疫病神). Самым злокозненным считался *Хосо-гами* (疱瘡神), персонифицировавший бога оспы. Как мы увидим далее, он мог существовать в трех ипостасях: старика, его старухи-жены и ребенка — иногда голого младенца, покрытого болячками, а иногда вполне миловидного мальчика в красных одеждах. Хосо-гами посвящали множество храмов, как правило, миниатюрных (нередко величиной с собачью будку), их ставили на окраинах города, как своего рода заставу, или на перекрестках. В XX в. большое количество таких «храмиков», мешавших строительству новых домов и расширению дорог, переносили на территории синтоистских храмов (рис. 1). Один из наиболее известных храмов, где умилоствовали бога оспы, был устроен на месте захоронения 16-летней дочери фактического правителя Японии

Тайра-но Киёмори и его наложницы Токивы Годзэн. Девушка, которую из-за небесной красоты называли Тэннэн-химэ (Принцесса-небожительница), умерла в 1179 г. в районе острова Миядзима, ныне — часть Хиросимы (рис. 2).

Помимо зловредных богов, коих полагалось умилоствовать, в буддизме существовали боги-защитники. Одним из самых известных и универсально почитаемых считался Якуси Будда — Будда-целитель. Его обычно изображали правой рукой показывающим мудру *сэмуи-ин* (施無畏印) (санскр. *абхая-мудра*) — «не бойся», а левой рукой держащим сосуд с исцеляющими снадобьями.

С началом Раннего Нового времени (с XVII в., эпоха Эдо) начался следующий этап японской культуры, в частности, причин и стратегий удаления от скверны. Это было время бурного расцвета городской и простонародной культуры, когда народная низовая мифология с ее пандемонизмом бесов-вредителей и божеств-охранителей впервые в широких масштабах вошла в литературный и художественный репозиторий текстов. Законодателями новых вкусов стали простые горожане — ремесленники, торговцы и самураи низкого ранга. Однако они были достаточно хорошо образованы, чтобы представлять, что делалось в высокой культуре до них. Случилось весьма любопытное переплетение предшествующей высокой культуры, основанной на буддийской иконографии и китайской учености, с плебейской культурой простых горожан и недавних выходцев из деревни. При этом для них — главных законодателей вкуса

Рис. 1. Храм бога оспы Хосо-гами в святилище Кайнан г. Миура (префектура Канагава)
Источник: <https://www.townnews.co.jp/>

Рис. 2. Храм Хосо-гами в память Тэннён-химэ. Хиросима
Источник: <https://goshuin.138shinsekai.com/2020/01/09/housou/>

Рис. 3. Красный Дарума и игрушечная собака. Худ. Иссэйсай Ёсицуру. Гравюра ака-э. 1840–1850
Источник: <http://history.hanaumikaidou.com/archives/8415>

Рис. 4. Сова, кролик и погремушка. Худ. Итиюсай Куниёси. Гравюра ака-э. Сер. XIX в.
Источник: <https://www.edo-tokyo-museum.or.jp/>

Рис. 5. Кинтаро с трехногим вороном. Худ. Утагава Тоёхиса. Гравюра ака-э. 1830-е гг.
Источник: <https://calisphere.org/item/ark:/13030/hb4489p1hm/>

и инноваций — нередко были характерны архаические архетипы сознания, связанные с всевозможной нечистой силой. Параллельно с этим широкое распространение в гравюрах (т. е. тиражной и доступной по цене графике) и в мелкой пластике (фигурках-оберегах) получили известные издавна персонажи высокой культуры.

Например, широкой популярностью в специфическом противоэпидемиологическом качестве пользовался первый патриарх дзэн Дарума. Его часто изображали в виде куклы-неваляшки; считалось, по законам симпатической магии, что подобно тому, как кукла Дарумы, упав, быстро принимает вертикальное положение, так и больные дети должны быстро выздороветь и встать с постели² (рис. 3).

Были популярны и изображения совы — священной птицы, которая не спала ночью, видела в темноте и отгоняла всякую ночную нечисть. На груди вырезанных из дерева куколок совы часто рисовали три пламенеющие жемчужины, исполняющие желания, или писали иероглиф *котобуки* (壽) — «долголетие». Иногда сову изображали вместе с Дарумой в одной картинке.

В наборе народных картинок-оберегов нередко встречались изображения собаки — считалось, что демон оспы боится собачьего лая, а также кота с красным карпом на удочке (камп был символом выносливости и преодоления преград). Часто игрушечные фигурки карпа вырезали из дерева и помещали на платформу с колесиками, что-

бы возить на веревочке, как машинки³. Детям давали также погремушки в виде барабанчиков на ручке *дондон тайко* (どん どん 太鼓), бесы боялись их звуков. Наконец, популярны были и изображения кроликов или зайцев, японцы не различали их и всех называли *усаги* (兎). Считалось, что красные глаза кролика отпугивают демона оспы, а кроме того, заячья кровь, мясо и помет считались действенным средством исцеления⁴ (рис. 4). Реже в противооспенных картинках изображали мальчика-силача Кинтаро (он отличался красным цветом кожи и умением истреблять демонов). Довольно редко встречаются изображения рыжеволосого и краснолицего лешего *сёдзё*, известного с китайской древности, там его звали *синсин* (猩猩), своим пристрастием к выпивке и добродушным отношением к людям, особенно детям. И совсем редко изображали трехногого красного ворона, живущего на солнце, сообразно древней китайской мифологии (рис. 5).

Около 350 лет назад в районе Фукусимы (там, где в 2011 г. произошла авария на атомной электростанции) появились защищающие фигурки

³ В Японии возили за веревочку не только детские игрушки, но и установленные на передвижных платформах религиозные объекты: статуи будд и бодхисаттв и даже футляры с сутрами. Считалось, что при перемещении они излучали благое воздействие по всей территории маршрута.

⁴ В том, что касается помета, мог быть элемент истины. Кролики поедают свои катышки, точнее, цекотрофы, поскольку их пищеварительная система полностью не успевает переварить корм, но успевает насытить то полупереваренное, что выходит наружу, полезными аминокислотами, витаминами и белками.

² Подробнее о роли Дарумы в защите от оспы см. [3].

Рис. 6. Тамэтомо берет клятву с богов оспы. Худ. Утагава Итиюсай Куниёси. Гравюра. 32 × 42 см [4, с. 18–19]

красной коровы с качающейся и поворачивающейся на пружинке головой и, таким образом, высматривающей заразу со всех сторон своими большими, хочется сказать, апотропеическими, глазами.

Всех этих персонажей часто печатали в картинках лишь красной краской⁵, поскольку этот цвет служил сам по себе защитой от инфекций и всяческого дурного воздействия, особенно оспы. Парадоксальным образом считалось, что демоны инфекции тоже любят красное. Эти дешевые листки, своего рода лубки, стоили очень немного и продавались тысячами, представляя собой особый жанр. Их вешали при входе в дом или на центральном в традиционном интерьере столбе *хасира*, а также вкладывали в детское изголовье.

Полный (или близкий к нему) набор защитных персонажей могли изображать в композиции с Минамото-но Тамэтомо (源 為朝) — воином второй половины XII в., который считался действенным победителем оспы, поскольку изгнал

вызывающего ее демона с острова Хатидзё-дзима, где он жил в ссылке. В гравюре Утагавы Куниёси показана сцена покорения демона Хосо-гами воином Тамэтомо [4]. В левой части диптиха Тамэтомо, названный в надписи в картуше Тиндзэй Хатири Тамэтомо (鎮西 八郎 為朝), принимает документ о капитуляции от демона оспы в двух ипостасях: старухи в желтом одеянии (справа от нее — белый кролик с красными глазами) и ребенка в красной одежде. Кроме отпечатков ладоней, на бумаге ничего не видно, но считалось, что там был такой текст: «Я никогда не приду в это место и не войду в дом, на котором будет написано имя Тамэтомо»⁶. Позади, словно преграждая путь к бегству, расположились уже упоминавшиеся Дарума (он как раз поднимается с помощью рук), сова, собака и кот-рыболов с красным карпом (рис. 6).

⁵ Краски были, скорее, красно-оранжевые, так как изготавливались из сафлора (шафрана) — бэнихана (紅花). «Красных картинок» (ака-э) осталось сравнительно немного, несмотря на многотысячные тиражи, ибо после выздоровления ребенка их обычно сжигали.

⁶ Об этом писал Такидзава Бакин в своей книге «Странные истории о молодом полумесяце» («Гинсэцу юмихари дзуки», 椿説弓張月), выходявшей выпусками в 1806–1811 гг. и иллюстрированной Хокусаяма [5]. Под «молодым полумесяцем» (букв. «натянутый лук») имелся в виду знаменитый лучник Минамото-но Тамэтомо, чьим подвигам эта книга и посвящена. Свиток с текстом и отпечатком ладони есть в гравюре Утагавы Кунимаро (третья четверть XIX в.), на которой Тамэтомо, названный великим светлым богом, держит его в руках.

Ребенок в красной одежде и красной шапочке (рис. 7) вызывает вопрос: кто он такой? Здесь следует сделать отступление и посмотреть, что известно из источников об облике бога оспы. В книге «Мешок с ушами» («Мимибукуро», 『耳囊』) ученого Нэгими Ясумори (根岸 守信, 1737–1815), опубликованной в трех томах в начале XIX в., говорится, что бог оспы Хосо-гами выглядит как косматая старуха. Чуть позже, в 1806 г., вышла книга известного литератора Санто Кёдэна «Стародавние истории с молнией на обложке» («Мукаси-банаси инадзума бёси», 昔話稲妻表紙). В ней бог оспы описан как ветхая старушка, которая чуть не умерла от страха, когда на нее напали собаки. Герой книги Рокудзи Намуэмон отогнал собак, и за это старушка вылечила от оспы его маленького сына (коего, впрочем, сама же и заразила) [6, р. 30–37]. Это совпадает с изображением в гравюре Куниёси. Что же касается ребенка в красном, поедающего красные моти⁷, то здесь мнения расходятся. Одни комментаторы пишут, что это счастливый ребенок, которому не страшна инфекция, поскольку он всесторонне защищен ожившими амулетами за его спиной, одеждой с изображениями этих же защитников и самим фактом капитуляции демона оспы. Другие считают, что это может быть ипостась бога оспы, которого должным образом ублажили (дали любимые игрушки и сладкие рисовые колобки), и он больше не будет пакостить.

На сайте Центра по исследованию искусства Университета Ритсумейкан даже говорится, что такие изображения считались благоприятствующими, *китё* (吉兆)⁸. В пользу интерпретации того, что ребенок в красном — это тоже бог оспы, говорят отпечатки двух ладоней на документе о прекращении инфекционных действий: один из отпечатков явно принадлежит ребенку. Такие же два отпечатка есть и на гравюре Цукиоки Ёситоси, входящей в знаменитую серию «36 привидений и духов в новом обличе» (ок. 1890) (рис. 8). Под ногами воина Тамэтомо лежит смятый лист бумаги с отпечатками ладоней, выше изображена удирающая старуха с ребенком на спине (ребенок здесь отнюдь не благовиден, а покрыт оспенными болячками). Их бегство прикрывает старик в малиновых штанах — член семьи демонов инфекций [7, р. 82]. В пользу того, что ребенок в болячках или в красной одежде (иногда и то и другое вместе) — это все-таки детский бог оспы, а не жертва болезни, говорит и еще одна картина: работа неизвестного художника школы Кацусика

Рис. 7. Бог оспы Хосо-гами в виде ребенка.
Худ. Итиюсай Куниёси. Гравюра [4, с. 18]

Рис. 8. Тамэтомо изгоняет богов оспы.
Худ. Цукиока Ёситоси. Гравюра. 1890. 25 × 36 см
Источник: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1309663>

⁷ Такие моти (маленькие колобки) назывались или просто акамоти («красные моти»), или ботамоти, «пионовые моти» (牡丹餅), т. е. светло-малинового или алого цвета. Важно то, что они лежат на круглом соломенном подносе, точнее, крышке сандавара (о ее ритуальном значении см. далее).

⁸ См.: <https://www.arc.ritsumei.ac.jp/artwiki/index.php/Z0688-2-009>

Рис. 9. Демон оспы Токи. Деталь гравюры
«Тамэтомо отгоняет демона оспы от острова Осима».
Худ. Итидзюсай Ёсикадзу. Около 1850–1853
Источник: <https://wellcomecollection.org/images?query=q2txgfb6>

Рис. 10. Красный Сёки (кит. Чжун Куй).
Худ. Кацусика Хокусай. Нью-Йорк, Музей Метрополитен.
Свиток, красная краска, кисть. 1847. 59 × 30 см
Источник: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/45818>

(первая половина XIX в.). В ней, в позе, иконографически близкой к изображению Тамэтомо, выступает воинственный синтоистский бог Сусаноо, который заставляет плененных богов оспы приложить ладонь к акту о безоговорочной капитуляции. Вторым в очереди представлен ребенок в красных одеждах, покрытый пустулами. Таким образом, сопоставительный анализ ряда визуальных памятников на сходную тему позволяет мне сделать вывод о том, что японцы в XVIII–XIX вв. представляли демонов оспы в нескольких обликах, даже при отсутствии непосредственных описаний в письменных источниках (по крайней мере тех, что известны мне и Интернету).

Рядом с бумажным документом у ног Тамэтомо лежит нечто, похожее на круглую соломенную циновку для сидения с воткнутой в нее палкой, с украшениями из красной бумаги (рис. 8). Ни в одном из описаний этой известной гравюры такой предмет даже не упоминается, что неудивительно, поскольку он относится к старинным фольклорным ритуалам, которые давно не проводят. Для нашей же темы он весьма важен. Палка с зигзагообразно нарезанными полосками бумаги — это *гохэй*, магический жезл, широко используемый в синтоистских обрядах очищения. Обычно полоски бумаги, *сидэ* (紙垂), белые. Здесь же они красные, поскольку служат изгнанию демонов оспы. Соломенная циновка — это на самом деле *сандавара* (棧俵) — крышка (около 30 см в диаметре) для закрывания мешков с рисом. В обрядах *якухараи* (厄祓い) — изгнания нечистой силы — такую крышку протыкали жезлом *гохэй*, уничтожая зло (*яку*, оно же архаическое слово для обозначения оспы). Потом соломенную крышку с воткнутым в нее жезлом пускали по течению реки, сплавляя инфекцию подальше, или оставляли на перекрестках, чтобы она катилась на все четыре стороны. Возможно, практическим прообразом такого обряда была проверка состояния риса в мешках весной, когда после зимы он мог испортиться от сырости, насекомых и микроорганизмов. Тогда в крышку, не развязывая мешок, втыкали трубочку-пробойник и инспектировали попавшие в нее зерна. Во время эпидемий сходное действие могло совершаться для символической проверки и уничтожения инфекции. Заметим под конец, что такую же соломенную крышку, на сей раз служащую подносом для красных моти, изобразил Куниёси перед ребенком в красном — Хосо-гами.

Интересную сцену интерьера дома с больным оспой ребенком можно видеть в иллюстрации к книге Санто Кёдэна [6]. Слева плачет восьмилетний Куритаро, сын главного героя Намуэмона, бедная мать не знает, как ему помочь, а справа на полке выставлены обереги: фигурки совы, Дарумы и соломенная крышка *сандавара* с воткнутым в нее жезлом *гохэй*. Перед крышкой — два моти, вероятно,

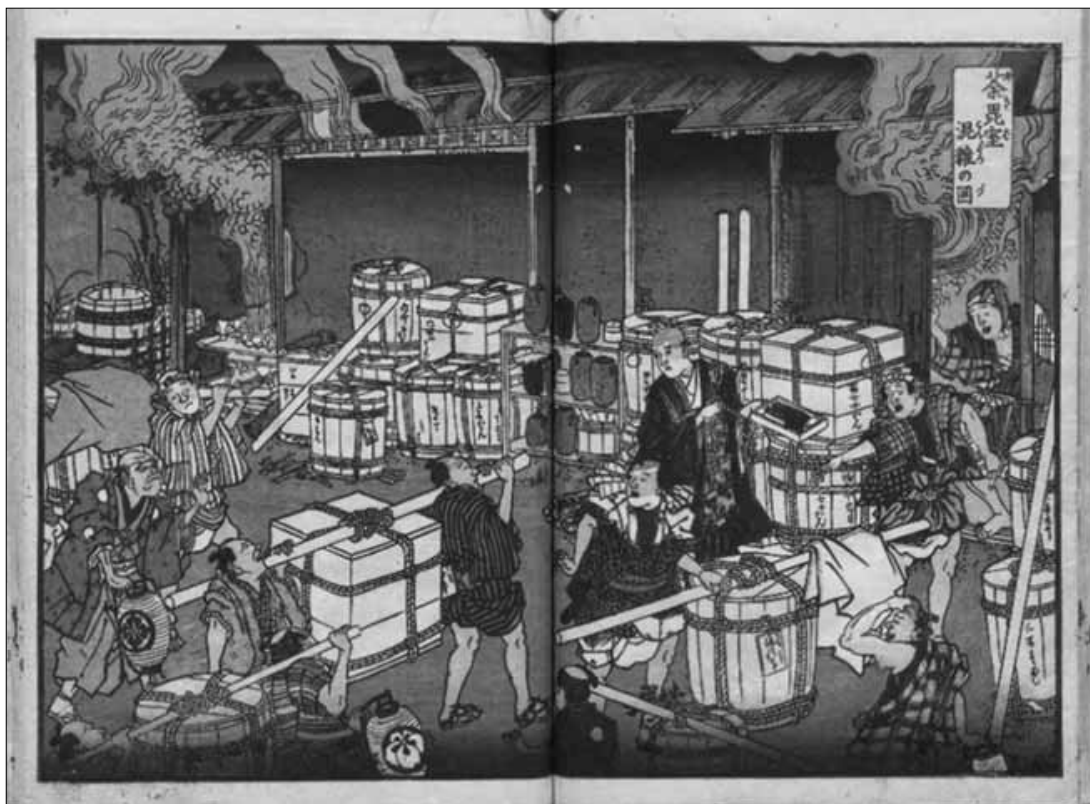

Рис. 11. Сжигание умерших от холеры [8, л. 14–15]

красных. И, самое захватывающее, на сундуке изображена пунктиром призрачная фигура старой женщины — это и есть богиня оспы Хосо-гами, которая, вероятно, читает заклинания, чтобы ребенок поскорее умер. Но тут раскрывается дверь, входит отец семейства, старуха узнает в нем доброго прохожего, спасшего ее от собак, признает, что произошла ошибка, и быстренько начинает читать заклинания, чтобы ребенок выздоровел.

В качестве мощного крещендо на тему соломенной круглой плетенки я упомяну ее изображение в малоизвестном диптихе ученика Куниёси по имени Утагава Ёсикадзу (годы творчества 1850–1870)⁹. Я нашел эту гравюру последней, и она блестящим образом подтвердила мои построения о сандаваре как ритуальном объекте в нарративах с оспой. В левой части диптиха Ёсикадзу (рис. 9) изображен маленький круглый человечек в красном одеянии с капюшоном, сидящий на такой плетенке с воткнутым жезлом гохэй. В картуше рядом с ним написано «Демон оспы», *Токи* (痘鬼) — одно из локальных имен Хосо-гами. Он приплыл по морю к острову, которым пра-

вит Тамэтомо, и последний, допросив пришельца, приказывает ему уплыть прочь и унести с собой заразу. (Очевидно, что народный обычай пускать вниз по реке сандавару воспроизводит этот сюжет.) Обратим внимание: очертаниями фигуры, красным плащом, а главное, обильной не по-японски бородой человечек весьма похож на изображения Дарумы. Более того, соломенная его лодочка (или плот) вызывает в памяти сюжет из преданий школы Чань о Даруме, переправившемся через реку Янцзы на тростниковой соломинке. По всей видимости, этот мотив из старых китайских религиозных писаний преломился в японском фольклорном сознании в Даруму как заморского переносчика болезни и — после должного его увещевания — в защитника от нее.

Еще немного о красном. Как мы уже видели, иногда красный цвет мог переходить непосредственно на нечистую силу. Помимо демона-дитяти в красном, в XVIII–XIX вв. были популярны листки с изображением демона оспы в виде ярко-красной страшной старухи *Хосо-баба* (или *Хосо-уба*, 疱瘡婆), играющей с человеческими черепами. Но чаще всего красным цветом изображали сокрушителя демонов *Сёки* (鍾馗). Согласно иконографии, он выглядит как свирепый воин, поражающий мечом мелкого беса (рис. 10). Далее мы еще увидим современную ковидную реинкарнацию Сёки.

⁹ В полном виде (оба листа диптиха) эта гравюра находилась несколько лет назад в собрании галереи Тосидама, а левая часть — в собрании медицинских картин Wellcome Collection (Лондон). Другие экземпляры неизвестны.

Рис. 12. Уничтожение холеры. Худ. Кимура Такэдзиро. Гравюра, диптих. 1886. 37 × 48 см. [4, с. 101]

Рис. 13. Война с холерой. Худ. Цукиока Ёситоси. Гравюра. 1877
Источник: <https://www.semanticscholar.org/paper/Informal-Imperialism-and-the-1879-Hesperia-Incident-Fuess/3a21d4a34196cc9d066f1915b1e8fcc833664ef3>

Рис. 14. Вакцинация против оспы. Неизв. худ. Гравюра. Ок. 1849–1850
Источник: <https://www.epidemic-histories.com/isabella-yang-2>

БЕЛЫЙ БОГ И КАРБОЛКА, ИЛИ ВАКЦИНАЦИЯ И САНИТАРНЫЕ ВОЙСКА

Помимо «красных картинок» *ака-э*, служивших оберегом против оспы, большой популярностью пользовались и *корори-э* — картинки против холеры. Уже упоминались вспышки эпидемии холеры в 1858 и 1862 гг., новая эпидемия случилась в 1886 г., и вплоть до начала XX в. в Японии периодически свирепствовала холера. В японском языке не было своего слова для обозначения этой болезни; его позаимствовали, несколько переиначив произношение и подобрав иероглифы по звучанию и смыслу. Были придуманы даже два набора иероглифов: *корори* (狐狼狸) лиса, волк и барсук-тануки (т. е. троица диких животных разной степени опасности), и *корори* (虎狼痢) тигр, волк, понос (последнее — значительно более суровая напасть, нежели в общем-то добродушный трикстер тануки).

От первой массовой эпидемии холеры в 5 году эры Ансэй (1858) сохранилось некоторое количество свидетельств, литературных и изобразительных, хотя власти и противодействовали распространению ужасной информации. На иллюстрации из книги «Записи об эпидемии холеры годов Ансэй» («Ансэй корори рююки», 安政箇癘流行記) [8]¹⁰, которую под псевдонимом Кинтон Додзин (金屯道人) выпустил журналист Канагаки Робун (仮名垣 魯文, 1829–1894), есть не сразу понятная разворотная иллюстрация (листы 14-левый и 15-правый): у какого-то «склада» стоит множество бочек и огромных ящиков, носильщики подтаскивают новые, и из этого «склада» идут клубы дыма (рис. 11). Это — временный крематорий, где сжигали тела умерших от холеры. В картуше справа так и написано: «Переполнение крематория» («Акиба кондзацу-но дзу», 茶毘室混雑の図).

Свидетельства об эпидемиях демонстрируют любопытную смесь новейших санитарно-эпидемиологических мер с традиционными представлениями о злых демонах болезни. От вспышки холеры 1886 г. дошла весьма интересная гравюра-диптих большого формата (ок. 37 × 48 см) «Истребление холеры» («Корэра тайдзи», 虎列刺退治). В ней расстреливают из пушки монстра холеры, состоящего на-

¹⁰ См. полное воспроизведение книги на сайте библиотеки университета Васэда: https://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/bunko08/bunko08_c0383/bunko08_c0383.html

подобие Франкенштейна из головы и передних лап тигра, туловища волка и преогромных тетикул, которые никому, кроме как тануки, принадлежать не могут (рис. 12). Вместо ствола на лафете укреплен огромная, европейского вида бутылка с чудодейственным оружием из новомодной западной карболки (в наши дни более известная как фенол). На это намекает написанный на этикетке бутылки иероглиф «камень» (石), с него начинается японское слово «сэкитансан» (石炭酸) — «карболовая кислота». (Остальное осталось за обрезом печатной доски.) На штандартах воинов вокруг пушки написано «Эйсэтай» (衛生隊) — «санитарные войска» и «Такарабунэ» (宝船) — «корабль сокровищ» (привозит блага, согласно популярной мифологии).

Гравюра представляет собой особый выпуск (17 августа 1886 г.) газеты ежедневных новостей «Нитинити симбун сёсё». Художник и скорее всего автор текста обозначен в левом нижнем углу как «художник и выпускающий» Кимура Такэдзиро. Но это имя больше нигде не встречается¹¹. Рассказ о том, как можно победить болезнь, начинается с того, что в теле некоего армейского капитана из Хиросимы, умершего от холеры, при вскрытии обнаружили множество мельчайших червячков, различимых лишь в микроскоп, и поняли, что они были возбудителями болезни. Уничтожить их можно карболовой кислотой. Также автор не забывает и старинное средство *умэдзу* (梅酢) — сливовый уксус, который издавна служил отличным лекарством¹². Однако не даром в стране уже около 20 лет шла ускоренная вестернизация. Несмотря на то что в тексте говорится о протирании всего, куда могла попасть зараза, народным сливовым уксусом, в бутылке всего-таки не он, а

карболка. Кстати, использование фенола было уже известно в Японии: на сходной по сюжету гравюре Цукиока Ёситоси (1877), уже известного нам по картинке с изгнанием демонов оспы, этикетка читается полностью (рис. 13). Под знаменем с надписью «Ёботай» (豫防隊) — «санитарно-профилактические силы» батареей из бутылок с этикеткой «Сэкитансан» (石炭酸) — «карболка» — расстреливают демона холеры.

Кроме того, такие картинки служили еще и морализаторским целям. Если присмотреться к химере холеры на картинке Кимуры, то можно заметить, что своей огромной мошонкой этот монстр придавил и разметал несколько женщин вокруг футаона. Рядом разбросаны изголовье, бутылка, чарка и трубка — все это аксессуары комнаты в борделе. Автор намекает на то, что чрезмерная сексуальность, выражающаяся в частых походах в публичные дома, ослабляет мужскую силу, тем самым организм становится более подверженным инфекции¹³.

Об усилении архаического магического мышления в моменты, когда удаление от скверны ощущалось как необходимая карантинная мера, рассказывает в своей книге один из лучших знатоков Японии Б.Х. Чемберлен:

«Однажды нам на себе пришлось ощутить экзорцизм, совершавшийся над нами руками синтоистских жрецов. Это было летом 1879-го, в страшный холерный год. Старейшины одной деревни, где мы хотели остановиться на ночь, обвинили нас в том, что мы принесли с собой демонов холеры. <...> После долгих переговоров, проходивших под проливным дождем, в приближении ночи и за невозможностью найти иное убежище на расстоянии многих миль, старейшины послали за синтоистскими жрецами. Они прибыли в своих белых ризах и в причудливо заломленных шапках; в руках — ветки деревьев. Жрецы построились в шеренги по обе стороны дороги, и наша маленькая компания из двух европейцев и слуги-японца должна была пройти между ними. Когда мы проходили, жрецы трясли мокрыми ветками над нашими головами и шлепали нас по спинам мечами (без ножен). После этого нас угрюмо провели на ночлег (перевод мой. — Е. Ш.)» [10, р. 120].

Агитационные лубки на тему вакцинации конца XIX в. интереснейшим образом используют традиционные, идущие от средневекового Китая, ли-

¹¹ В электронном каталоге Столичного архива Токио (см.: <https://www.archives.metro.tokyo.lg.jp/detail/2735146?smode=1&tsNo=1&lbc=-1&p=-1>) он назван «Омура Такэдзиро» (大村竹次郎). Это явная ошибка, и причина ее очевидна: экземпляр гравюры в этом собрании обрезан примерно на 10–12 мм, на левом поле обрез проходит прямо посередине знака ки (木), что делает вертикальную черту невидимой и позволяет принять написанное за уцелевшую часть знака о (大). По приведенному в выходных данных адресу (район Канда, квартал Нуси, д. 7) находилась печатная мастерская, а потом, до начала XX в., типография, но сведений о ней не сохранилось. Более того, не было и такой газеты — «Нитинити симбун», была «Токио нитинити симбун». Остается сделать предположение, что некий Кимура, работавший в районе книжных магазинов и гравюрных мастерских Канда, так впечатлился вспышкой холеры, что написал рассказ о борьбе с ней, нарисовал к нему картинку и придумал название газеты «Нитинити симбун». Стоит ли говорить, что другие выпуски газеты или гравюры с таким названием не зафиксированы в известных мне источниках.

¹² О необыкновенной способности сливового уксуса убивать микробы холеры рассказывалось в газете The Japan Weekly Mail (Aug. 28, 1886, p. 202) на примере успеха врачей в Хиросиме (см.: <https://books.google.ru/books?id=cG0xQAAMAAJ&pg=PA202#v=onepage&q&f=false>).

¹³ Об изменении отношения японцев конца XIX — начала XX в. к публичным местам телесных удовольствий, вроде общих бань и заведений платной любви, и о роли, которую сыграли в этом эпидемии, см. интересную статью [9]. Кроме того, следует иметь в виду и более простую причину: во время эпидемий посетители веселых домов могли задуматься о риске полного отсутствия социальной дистанции и трудностях санобработки в местах интенсивного обмена телесными жидкостями и остаться дома.

тературные и визуальные тропы для передачи нового, основанного на западной медицине содержания. Мальчик, едущий на быке (воле, буйволе) и играющий на флейте, бесчисленное число раз изображался китайскими и японскими художниками. Это был символ безмятежности, усмирения дикой силы и отдыха после хорошо проделанной работы. На провакционной (не путать с провокационной) гравюре мальчик вместо флейты держит копье, которым погоняет и вот-вот проткнет мелкого беса, уводящего с собой младенца, покрытого оспенными болячками-пустулами (рядом с бесом в красном картуше надпись: «Бог оспы»). В начале текста (на желтом фоне) говорится: «А зачем вообще его называли Хосо-но ками — Бог оспы? Это просто злой демон, отклоняющий с пути людей (перевод мой. — Е. Ш.)» (рис. 14). Далее автор эпически начинает с времен бояновых, т. е. упоминает пять классических способов лечения¹⁴ и вспоминает Китай времен Сунской династии (X–XIII вв.) и путь человеколюбия, но быстро сворачивает к современности, указывая, что самым лучшим является «метод коровьей оспы» — *гютохо* (牛痘法). Далее он сообщает, что в годы Кансэй (1789–1801) некий голландец Иннэру (イン子ル, имелся в виду англичанин Дженнер) прививал людей кровью из коровьего вымени и излечивал их от оспы.

Рядом с коровой на картуше написано «Гютодай» (牛痘兌) — словосочетание это в текстах, известных в Интернете, не зафиксировано, я перевожу его как «обмен коровьей оспы», т. е. вакцинация. Весьма важно, что корова эта белая¹⁵. Вакцина на основе коровьей оспы была названа врачом Касахара Рёсаку (1809–1880) Белым Богом; он первым применил ее в 1849 г. в местности Фукуи, домене даймё Мацудайра. Белый бог — это *Хакусин* (白神), в сонме синтоистских божеств он не значился. Слог *ха* (は) в старом произношении эволюционировал в *ва*, поэтому *хакусин* могло читаться *вак(у)син*, т. е. *vaccine*¹⁶. Если наоборот (для наглядности), то *vaccine* («ваксин») — это *Хак(у)син*, Белый Бог¹⁷.

От картинок с вакциной вернемся ненадолго к картинкам-оберегам, прежде всего, это изображения бесогона Сёки, выполненные красной краской. Например, довольно широко известен свиток с красным Сёки (в качестве последней картины, которую Хокусай написал незадолго до смерти). Но что еще интереснее, изображения этого укротителя демонов часто делали в узком формате, сильно вытянутом по вертикали (рис. 15). В формальном плане, как сказали бы искусствоведы старой школы, это придает композиции динамику — Сёки с устрашающей физиономией будто решительно вступает в картину и вот-вот схватит всех бесов, кто не успеет увернуться.

Рис. 15. Сёки.
Худ. Окумура Масанобу.
Гравюра. Ок. 1741–1751. 69 × 10 см
Источник: <https://www.loc.gov/pictures/collection/jpd/item/2002700004/>

¹⁴ Например, способ под названием сакаю (酒湯) заключался в том, чтобы добавить немного сакэ в горячую воду, использовавшуюся при промывке риса, и смачивать ею подсохшие оспенные болячки. Другой, более радикальный рецепт рекомендовал добавить в эту воду немного крысиных какашек. Это советы из книги врача Гюдзана Кацуки (牛山翁香, 1656–1740) [11, с. 3]. В начале эпохи Мэйдзи книга была еще вполне популярна.

¹⁵ Вряд ли белая корова была как-то связана с красной коровой из Фукусимы. Между Фукуи и Фукусимой не менее 600 км, региональные взаимовлияния в обход столиц весьма маловероятны.

¹⁶ Может возникнуть вопрос: откуда доктор Касахара знал, как произносится по-английски слово “vaccine”? Вероятность того, что он мог его слышать, близка к нулю. А по-голландски «вакцина» (*vaccin*) произносится «фа» с придыханием («х»). И именно фа примерно до середины XVIII в. произносился слог *ха* (は), прежде чем измениться в *ва*. А голландские огласовки латинских букв Касахара, будучи медиком, должен был знать. Таким образом, его название вакцины «Хакусин» (с беглым у) еще больше похоже на европейское слово «вакцина» в голландском произношении.

¹⁷ О героической истории доставки вакцины из Нагасаки в Фукуи см. [12].

Это так, но у такого формата есть и более прозаическое объяснение. В традиционном доме повесить картинку было практически негде, ввиду отсутствия капитальных стен. Существовала ниша токонома, но туда вешали свитки (вроде только что помянутого Сёки Хокусая), а дешевые гравюры, вроде этой, работы Окумуры Масанобу (1686–1764), таковой чести обычно не удостоивались. Повесить охранную картинку можно было только на центральный столб хасира, поддерживавший балки перекрытия. Так этот формат и называли: хасира-э, и наклеенные на столб лицом к входу изображения бесогона служили (по крайней мере, в это хотели верить) апотропеем от нечистой силы.

Но не одни лишь мифологические персонажи и красный цвет сам по себе помогали предохраниться от заражения (и не только типа оспы или холеры, а, так сказать, локального проникновения). Этой цели служило и служит по сей день красное исподнее.

ПАНДЕМОНИУМ ПРОТИВ COVID-19

Первый случай коронавируса SARS-CoV-2 был диагностирован в Японии 15 января 2020 г., а символическим днем серьезного пришествия эпидемии в Японию можно назвать 3 февраля 2020 г., когда в порт Йокогамы зашел круизный лайнер «Даймонд Принцесс» с множеством заболевших на борту. В этот же день отмечали праздник *Сэцубун* (節分) — праздник весеннего обновления и изгнания нечистой силы посредством бросания в нее жареных бобов (рис. 19). Несмотря на появившиеся в тот день объявления о том, что празднества с массовыми скоплениями людей могут быть опасными, множество людей отправилось в храмы, полагая, что вместе с традиционными чертями вполне уместно будет изгнать и демонов коронавируса. Одна из прихожанок, биолог по образованию, посетила храм с детьми, на вопрос социолога она ответила, что надеется, что разбросанные бобы и купленные амулеты позволят защитить ее семью от коронавируса [13, р. 33]. Впрочем, следует предположить, что важную роль здесь играет не только вера в амулеты, но и ощущение принадлежности к коллективным ритуалам, уменьшающее страх перед эпидемией. Однако бобы помогли лишь относительно, и 7 апреля 2020 г. в нескольких центральных префектурах Японии объявили чрезвычайное положение, которое менее чем через месяц распространилось на всю страну. Прежде всего оно включало «самоограничение» (или «самоочищение») *дзисюку* (自粛) и отмену массовых мероприятий, включая религиозные праздники. В условиях изоляции усилилась потребность

Рис. 16. Амабиэ.
Бумажный амулет против ковида. 2020
Источник: <https://www.yajima-jizake.co.jp/>

в личной религиозной (или квази-религиозной) защите — в персональных амулетах *омаори* или персональных практиках, включающих в себя взаимодействие с магическими артефактами¹⁸.

Упомянем кратко многочисленных персонажей из традиционного фольклора про разных духов, *ёкаев* (妖怪), которые с начала пандемии коронавируса стали популярны как никогда. Например, трехногая русалка *амабиэ*, которая помогала от эпидемий, но была практически забыта с тех пор, как ее видели в последний раз во время эпидемии в середине XIX в. в княжестве Хиго на юге Японии. Теперь о ней вспомнили и стали массово печатать амулеты на бумаге в храмовых лавках, а также делать миниатюрные фигурки амабиэ. Для них используют болванки, предназначенные для Дарумы, но раскрашенные под амабиэ — с чешуей и тремя лапками. Также с марта 2020 г. изображения амабиэ массово появлялись на масках, упаковках сладостей, игрушках и т. п. С бумажных аму-

¹⁸ Наряду с этим многие буддийские храмы стали читать сутры и проводить онлайн-службы в Zoom или Facebook. Синтоистские святилища подхватили начинание и организовали онлайн-службы под названием о-ути-дэ дзиндзя (お家で神社) — «Святилище на дому».

Рис. 17. Демоны-защитники.
Суперобложка книги Симады Хироми «Избавление от заразы». 2020 [13]

летов надпись, относящаяся к амабиэ: *экибё тайсан* (疫病退散) — «Избавление от заразы», перековала на этикетки популярного сакэ (рис. 16).

Еще один популярный персонаж на антикоронавирусных храмовых листовках о-фуда — это Цуно-дайси (角大師) — Великий рогатый святой. У него был исторический прообраз — монах Рёгэн (良源, 912–985), 18-й настоятель Энрякудзи, крупнейшего монастыря школы Тэндай. Это был известный демоноборец, во время молитв за их рассеяние он страшно скалился и тарачил глаза, время от времени у него даже вырастали рога. Бесы пугались и разбегались, впрочем, это народный пересказ. Вероятно, некие физические изменения происходили с Рёгэном, когда он предавался практике сосредоточения и молитвы, описанной в сутре «Пратьютпанна самадхи» (яп. «Сюрё гонрё» 首楞嚴經) и развитой ранним патриархом китайской школы Тяньтай (яп. Тэндай) Чжи (538–597). С эпохи Камакура в экономику суеверий вошли картинки с изображением Цуно-дайси, которые прикрепляли к воротам или столбу ха-сира в доме. В последние 100 лет его популярность заметно снизилась (изображения продавали в редких

храмах), но с началом пандемии о нем вспомнили и напечатали амулеты с надписями «Сингата коронавируса нокэ» (新型コロナウイルス除け) — «Новая защита от коронавируса». Этот рогатый святой фигурирует также на обложке книги религиоведа Симады Хироми (島田裕巳) [14]¹⁹. На суперобложке книги показана целая дюжина духов-защитников (рис. 17).

Наряду с появлением «старых» защитников в условиях борьбы с COVID-19 не могла не возникнуть новая образность. Традиционная иконография за время пандемии дополнилась новым персонажем — демоном ковида или просто схематическим изображением коронавируса. Наиболее популярным ковидоборцем стал, как легко было ожидать, Сёки. Его изображали попирающим своим китайским сапогом вирус, в результате от которого только брызги летели. Что характерно, общий абрис фигуры и использование только красной краски немедленно отсылает визуальнo грамотного зрителя к картине Хокусая. Картину сопровождает надпись «Избавление от короны».

¹⁹ Издание вышло осенью 2020 г., сразу став бестселлером.

В другом популярном сюжете используется старая иконография «Сёки с мечом побеждает демона», но старому бесогону надевается на лицо маска. В еще одной вариации в руке у Сёки не меч, а шприц, который он вкалывает в вирус.

Маски появляются и на традиционных богах, точнее, их изваяниях. Например, маски надевают на самую популярную бодхисаттву Каннон, или, что более для нас интересно, на статуи бодхисаттвы Дзидзо, который часто изображался в виде маленького мальчика (статуи Дзидзо часто ставят в память умершего ребенка). Традиционно на статуи Дзидзо надевали шапочки, чтобы не замерзла головка, и переднички-слюнявчики *ёдарэкакэ* (涎掛け). Есть трогательные фотографии, запечатлевшие маленьких девочек в масках и красной одежде, молящихся шеренге каменных Дзидзо в надетых взрослыми масках (рис. 18).

Также, подобно тому, как на протяжении столетий существовали храмы, посвященные богам оспы, в 2020 г. появились храмы для убаживания бога короны, *Корона-гами* (コロナ神). Например, миниатюрный «храмик», в котором поселили духа коронавируса, был воздвигнут и освящен 31 мая 2021 г. в г. Катори (префектура Тиба, недалеко от токийского аэропорта Нарита). На фасаде его написано «Корона-гами». Храм из серого гранита, больше похожий на киот-божницу, установили на одном алтаре с двумя другими, посвященными родственным божествам — богам оспы Хосо-гами. Внутри помещен очистительный жезл гохэй. Все это находится на территории древнего синтоистского храмового комплекса Ямакура-дайзин, существующего с 811 г. [15].

Резюмируя, отметим: японцы обычно с юмором²⁰ относятся к самым тяжелым ситуациям и любят использовать классические образы (религиозные, литературные, художественные) в новых ипостасях. Говоря языком социологов, такой подход позволяет лучше справляться с управлением кризисом. Иными словами, демонология в Японии живет и не умирает, позволяет довольно шуточно относиться к разного рода тяготам или провоцирует искать овечьные предыдущей славой

Рис. 18. Статуи бодхисаттвы Дзидзо в масках в г. Мисима (префектура Сидзуока)
Источник: <https://www.asahi.com/articles/DA3S14427768.html>

прецеденты — как себя вести в сложных жизненных ситуациях. Основные мифологемы удаления от скверны разделяют практически все: простые люди — незатейливо веря, образованные — с улыбкой, поскольку любят культурные референции. Даже шутовское и чисто ритуальное подключение себя к длинной обрядовой цепочке и встраивание себя в экономику суеверий — психологически комфортно и способно снимать напряжение, вызванное экстраординарной угрожающей ситуацией.

Список источников

1. Johnston W. Cholera and the Environment in Nineteenth-Century Japan // Cross-Currents: East Asian History and Culture Review. 2019. Vol. 8, № 1. P. 105–138. DOI: 10.1353/ach.2019.0005.
2. Earns L., Burke-Gaffney B. Across the Gulf of Time: The International Cemeteries of Nagasaki. Nagasaki : Bunkensha, 1991. 288 p.
3. Faure B. From Bodhidharma to Daruma: The Hidden Life of a Zen Patriarch // Japan Review. 2011. № 23. P. 45–71.
4. Хаяри бё-но нисики-э (= Цветные гравюры на тему инфекций) / ред. Ито Кёко. Наито: Кусури Хакубуцукан (= Музей лекарств), 2001. 163 с. (Серия Kusuri Hakubutsukan Shūzō Shiryōshū, № 4). (Яп. яз.).
5. Кёкутэй Бакин. Странные истории о молодом полу-месяце. Эдо, 1806–1811. (Яп. яз.).
6. Santō Kyōden. The Straw Sandal: or The Scroll of the Hundred Crabs (Mukashi-banashi inazuma-byōshi) / transl. by C. Blacker. Folkestone : Global Oriental, 2008. 166 p.
7. Исао Т. Сто демонов-ёкаев Ёситоси. Токио : Кокусё канкокай, 2001. 98 с. (Яп. яз.).
8. Канагаки Р. Записи об эпидемии холеры годов Ансэй. Эдо : Тэндзюдо, 1858. (Яп. яз.).
9. Бурыкина А. Эпидемии как «разрушители досуга» : трансформация развлекательной сферы услуг в Япо-

²⁰ О процветании народной смеховой культуры во время холеры подробнее см. [16, р. 57–65].

- нии во второй половине XIX века // Логос. 2021. Т. 31, № 2. С. 195–217.
10. Chamberlain B.H. Things Japanese, Being Notes on Various Subjects Connected with Japan for the Use of Travellers and Others. London : J. Murray, 1905. 552 p.
11. Аоки Т. Записки об основах выращивания детей. Родительство в эпоху Эдо // Бюллетень Национальной парламентской библиотеки. 2020. Т. 7, № 5. С. 1–7. (Яп. яз.).
12. Касахара Х. Записки о Белом Боге [о вакцине]: До-ставка Белого Бога. Фукуи : Медицинская ассоциация Фукуи, 1997. 269 с. (Яп. яз.).
13. Cavaliere P. Religious Institutions in Japan Responding to Covid-19 — Induced Risk and Uncertainty // Journal of Religion in Japan. 2021. № 10. P. 31–63. DOI: 10.1163/22118349-20200006.
14. Симада Х. Избавление от заразы: 10 лучших японских амулетов. Токио : Сайдзо, 2020. 176 с. (Яп. яз.).
15. Тиба ниппо [Ежедневный вестник префектуры Тиба]. 2021. 2 июня. (Яп. яз.). URL: <https://news.yahoo.co.jp/articles/3f936f6b15d5ce1eec213e0ee40cc599b5d12036> (дата обращения: 16.10.2021).
16. Gramlich-Oka B. The Body Economic: Japan's Cholera Epidemic of 1858 in Popular Discourse // East Asian Science, Technology, and Medicine, 2009. № 30. P. 32–73.

Gods and Demons of Diseases: Japanese Traditional Views on Epidemics and the Ways of Resistance to Them

Evgeny S. Steiner

National Research University Higher School of Economics, 21/4, Site 5, Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
University of London, Brunei Gallery, B404, Russell Square, London WC1H 0XG, United Kingdom
ORCID 0000-0002-9129-3958; SPIN 2585-3918
E-mail: evenbach@gmail.com

Abstract. *The article discusses the mechanisms of protection against infectious diseases that have been employed in Japan through ages, and the religious, social, and individual practices considered effective in the struggle with epidemics. Studying the cultural and ethnoreligious roots of Japanese attitude towards epidemics is particularly relevant these days. The coronavirus pandemic has reanimated the memory of old popular beliefs and actualized traditional, even archaic, rituals and superstitions. Alongside obvious hygienic measures going back to the Shinto rites of purifications, historically, the amplitude of responses (whether on state or local or family levels) oscillated from the ceremonies of appeasing the demons of diseases to the rituals for exorcising them.*

Besides written historical sources, the main material analyzed in this article is visual: popular woodblock prints with mythological subjects, leaflets on vaccination, children's toys representing protective characters, and apotropaic amulets. The main focus is on the materials against smallpox and cholera in the early modern period in Japan (the Edo epoch, mainly the 18th–19th centuries) and the mass reaction (not medical but resurrecting tradition-

al superstitions) to the COVID-19 pandemic. Concerning the coronavirus, this is a new academic subject, and as for the analytical studies of visual sources on the magical reaction on epidemics during the Edo time, there are hardly any of them in Russian and quite few of them in other languages, including Japanese.

In conclusion, the author posits that along with certain real benefits (like the propaganda, albeit mythologized, for vaccination, or the practices of “self-purification” jishuku of the COVID times), the demonological approach played (and partly plays) the role of a humorous and entertaining instrument that alleviated the sense of menace and insecurity.

Key words: Japan, Japanese art, pictures against diseases, amulets, epidemics, demons of diseases, smallpox, cholera, coronavirus, COVID-19, pandemic, fine and decorative arts, art culture, religious culture.

Citation: Steiner E.S. Gods and Demons of Diseases: Japanese Traditional Views on Epidemics and the Ways of Resistance to Them, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 6, pp. 596–611. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-596-611.

Acknowledgements. This article is partially based on the results of the research project “Social distancing and self-isolation in the East” conducted within the framework of the program of academic research at the Faculty of World Economy and World Politics, National Research University “Higher School of Economics” in 2021–2022.

References

1. Johnston W. Cholera and the Environment in Nineteenth-Century Japan, *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 105–138. DOI: 10.1353/ach.2019.0005.
2. Earns L., Burke-Gaffney B. *Across the Gulf of Time: The International Cemeteries of Nagasaki*. Nagasaki, Bunkensha Publ., 1991, 288 p.

3. Faure B. From Bodhidharma to Daruma: The Hidden Life of a Zen Patriarch, *Japan Review*, 2011, no. 23, pp. 45–71.
4. Kyōko I. (ed.) Hayariyamai no nishiki-e [Nishiki-e, Color Prints of Infections]. Naitō, Kinen Kusuri Hakubutsukan Publ., 2001, 163 p. (in Jap.).
5. Kekutei Bakin. *Chinsetsu Yumihari Zuki* [Strange Tales of the Crescent Moon]. Edo, 1806–1811 (in Jap.).
6. Santō Kyōden. *Mukashi-banashi Inazuma Byoshi* [Old Stories Under the Thunderbolt Cover]. Folkestone, Global Oriental Publ., 2008, 166 p.
7. Isao T. *Yoshitoshi Yokai Hakkei* [Yoshitoshi's One Hundred Demons]. Tokyo, Kokuse Kankokai Publ., 2001, 98 p. (in Jap.).
8. Kanagaki R. *Fysei korori ryukoki* [Notes on the Cholera Epidemics of Ansei Years]. Edo, Tendzyudo Publ., 1858 (in Jap.).
9. Burykina A. Epidemics as Leisure Killers: The Transformation of Japan's Entertainment Industry in the Second Half of the 19th Century, *Logos*, 2021, vol. 31, no. 2, pp. 195–217 (in Russ.).
10. Chamberlain B.H. *Things Japanese, Being Notes on Various Subjects Connected with Japan for the Use of Travellers and Others*. London, J. Murray Publ., 1905, 552 p.
11. Aoki T. "Shoni Hitsuyo Sodate Gusa" – Edo Jidai no Iku-jisho wo yomu [Notes on Rearing Children. The Parenting in Edo Period], *National Diet Library Monthly Report*, 2020, vol. 7, no. 5, pp. 1–7 (in Jap.).
12. Kasahara H. *Hakushin ki: Hakushin-yo Orai Tome* [Notes on White God: The Delivery of White God]. Fukui Ishikai Publ., 1997, 269 p. (in Jap.).
13. Cavaliere P. Religious Institutions in Japan Responding to Covid-19 – Induced Risk and Uncertainty, *Journal of Religion in Japan*, 2021, no. 10, pp. 31–63. DOI: 10.1163/22118349-20200006.
14. Simada H. *Ekibyō Taisan: Nihon no Gofu Besuto 10* [Getting Rid of Infection: 10 Best Japanese Amulets]. Tokyo, Saidzo Publ., 2020, 176 p. (in Jap.).
15. *Tiba nippo* [The Chiba Prefecture Daily Messenger], 2021, June 2. Available at: <https://news.yahoo.co.jp/articles/3f936f6b15d5ce1eec213e0ee40cc599b5d12036> (accessed 16.10.2021) (in Jap.).
16. Gramlich-Oka B. The Body Economic: Japan's Cholera Epidemic of 1858 in Popular Discourse, *East Asian Science, Technology, and Medicine*, 2009, no. 30, pp. 32–73.

НОВИНКА

Ломоносов А.В. Эпистолярный архив В.В. Розанова в Румянцевском музее : аннот. указ. имен / А.В. Ломоносов ; Российская гос. б-ка, Центр по исслед. проблем развития б-к в информ. о-ве. Москва : Пашков дом, 2021. 479 с.

Книга состоит из аннотированного указателя имен к письмам В.В. Розанову, хранящимся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Она представляет широту взглядов и общественных связей мыслителя со всеми сферами религиозной и культурной жизни России.

Указания на архивные шифры и публикации писем помогут в оперативном поиске сведений о лицах из окружения В.В. Розанова. Завершают книгу списки источников, литературы и сокращений ко всему изданию, а также список шифров к эпистолярному архиву В.В. Розанова.

Указатель адресован литературоведам, историкам, философам, архивистам и всем интересующимся отечественной культурой.

Справки и приобретение:

Российская государственная библиотека,

Издательство «Пашков дом»

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

Тел.: +7 (495) 695-59-53, +7 (499) 557-04-70, доб. 26-46

E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru

Книжный магазин РГБ: главное здание, 3-й подъезд